
ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ И ХОЛОКОСТЕ: ЭССЕ

УДК 930.1

DOI: 10.31249/hoc/2025.04.10

*Шнирельман В.А.**

ХОЛОКОСТ И ОСОБЕННОСТИ ТРАВМАТИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ^{©1,2}

Аннотация. В статье рассматриваются особенности травматической памяти бывших узников нацистских лагерей, анализируются разные виды их памяти, мешающие успешной интеграции в современное общество и дистанцирующие бывших узников от окружающего мира. Изучаются изменения памяти с приходом новых поколений и обращается внимание на высокую роль эмоций. Обсуждается объективизация этой памяти в разнообразных памятниках и музеях, демонстрирующих различия между локальной, национальной и глобальной памятью.

Ключевые слова: память; Холокост; концлагерь; узники; евреи; антисемитизм; памятники; музеи.

* *Шнирельман Виктор Александрович* – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия; shnirv@mail.ru

Shnirelman Victor Aleksandrovich – DSc in History, Chief Researcher at the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; shnirv@mail.ru

© Шнирельман В.А., 2025

¹ О социальной памяти см.: [Шнирельман, 2016, с. 100–129; он же, 2018, с. 12–34].

² Благодарности. Работа выполнена по Гранту РФФ 23-28-00796. Проект «Каталог текстов и сюжетов о Холокосте (на материалах экспедиций, соцмедиа и СМИ)».

Acknowledgements. The research is financially supported by RNF grant, project No. 23-28-00796

Поступила: 09.06.2025

Принята к печати: 18.08.2025

Для цитирования: Шнирельман В.А. Холокост и особенности травматической памяти // Вестник культурологии.– 2025. – № 4 (115). – С. 180–221. – DOI: 10.31249/hoc/2025.04.10

Shnirelman V.A.

Holocaust and Special Aspects of Traumatic Memory

Abstract. The traumatic memory of former prisoners of Nazi camps is analyzed including its various types that hindered their integration into contemporary society and created gap between them and the surrounding world. Changes in the generational memory are studied with an emphasis on a high role of emotions. The objectification of traumatic memory is discussed with reference to various monuments and museums which demonstrate the differences between local, national and global memories.

Keywords: memory; Holocaust; concentration camp; prisoners; Jews; anti-Semitism; monuments; museums.

Received: 09.06.2025

Accepted: 18.08.2025

For quoting: Shnirelman V.A. Holocaust and Special Aspects of Traumatic Memory // Herald of Culturology. – 2025. – No.4 (115). – P. 180–221. DOI: 10.31249/hoc/2025.04.10

Введение

Память о Холокосте – это память о запредельной трагедии, память о том, что невозможно себе представить, о чем неимоверно трудно рассуждать. Не случайно, по словам многих бывших узников, эсэсовцы издевательски им говорили: «Даже если вы выживете и будете об этом рассказывать, никто вам не поверит, так как это неподвластно уму, это не подлежит разумному объяснению» [Леви, 2010. Предисловие]. И, как ни печально, это действительно так. За последние десятилетия проведено множество исследований, выпущено огромное количество литературы, посвященной Холокосту, и, тем не менее, многое остается неясным, многое скрыто от взора ученых и вызывает споры у мыслителей. Тем более, если речь идет о социальной и исторической памяти. Как выстраивается эта память? В чем она выражается и на чем акцентирует внимание? Кто является ее носителями, как и что именно они вспоминают? Чем отличается память свидетелей и память потомков? Изменяется ли

эта память во времени? Как эта память визуализируется и материализуется? Что именно вызывает сегодня споры? В данной статье обсуждается, во-первых, как память о Холокосте влияет на бывших узников и их потомков и как это понимается и анализируется западными учеными, а во-вторых, какое выражение она находит во всевозможных монументах, мемориалах и музейных экспозициях.

Следовательно, такую память можно разделить на два больших разнородных блока. Во-первых, это человеческая память: память бывших узников, их потомков, соседей, тех, кто был свидетелем событий, а также память тех, кто узнал о происходящей катастрофе из вторых рук. Во-вторых, это объективированная память¹, воплощенная в памятниках и музеях.

Память в воспоминаниях

Первый вид памяти всегда вызывал и вызывает множество вопросов. Насколько достоверны показания бывших узников, перенасыщенные эмоциями, в особенности, если эти показания даются много лет спустя, когда людям преклонного возраста нелегко вспомнить детали? Они путаются в показаниях, собственный опыт переплетается у них со слухами, их рассказы нередко страдают противоречиями, а слова одних расходятся с другими и не находят подтверждения в иных источниках. И в то же время их память иной раз доносит до нас уникальные данные, которые больше нигде не сохранились. Поэтому и возникают вопросы о том, как относиться к их версии, чему можно верить, а что следует подвергать сомнению. А может быть, главное здесь – вовсе не факты, а эмоции людей, переживших страшные испытания? Именно на это обращают внимание те западные исследователи, которые убеждены в том, что, хотя трагические события можно наблюдать или почувствовать, их невозможно запомнить и осознать, ибо они оказывают огромное влияние на человеческую психику и трансформируют её, оставляя в ней не знание, а лишь мерцающий след [Bernard-Donals, 2009].

Занимавшийся шесть лет в Йельском архиве анализом памяти бывших узников, Л. Лангер выделяет пять ее видов: глубокую, мучительную, униженную, стыдную и негероическую [Langer, 1991]. Глубокая память отличается тем, что она прочно засела в голове, от нее невозможно отделаться, и она мучает человека всю жизнь. Мало кому удавалось полностью восстановить свою нервную систему и вернуться к нормальной жизни. Их терзает «раз-

двоение личности», ибо частично они продолжают «жить в Освенциме», и это нарушает последовательность событий и даже хронологию. Глубокая память как бы застряла в концлагере, в отличие от обычной памяти, сохраняющей представление о том, что было до него и что происходило после². Эти два вида памяти постоянно пересекаются и переплетаются, ставя в тупик своих носителей, которые порой видят себя двумя разными людьми: один навечно остается в концлагере (глубокая память), а другой ведет нормальную жизнь (обычная, интеллектуальная память). Глубокая память возвращается внезапно и несет человеку дискомфорт, доходящий до непереносимой боли. Ведь она подсказывает, что никакого хорошего исхода нет и не будет. Речь идет как о безвозвратных тяжелых утратах, так и о чувстве беспомощности, о полной потере собственной воли, агентности. В крайнем случае человек по сути превращался в лагере в живой труп, которого, по словам Примо Леви, называли «мусульманином» [Леви, 2010], хотя нашему читателю понятнее пришедший из ГУЛАГа термин «доходяга» [Полян, 2018, с. 18]. Такие воспоминания мешали людям встроиться в современное общество. Некоторые воспринимали свою современную жизнь как «жизнь после смерти» [Langer, 1991, p. 35]. Их не оставляло чувство, что они – другие, и окружающие не могут и никогда не смогут их понять. Действительно, в своих интервью и публичных выступлениях бывшие узники порой вспоминали такие ужасные невыносимые вещи, что люди отказывались их слушать. Да и их самих собственные воспоминания порой ставили в тупик [Langer, 1991, p. 1–38].

Мучительная память, по Л. Лангеру, имеет дело со столь страшными событиями, что человеку не просто трудно их вспомнить, но он и сам начинает сомневаться в том, что такое могло происходить и он в этом участвовал. Поэтому люди иной раз молчат, не находя слов для того, чтобы передать все ужасы пережитого, которые с трудом воспринимаются аудиторией или понимаются превратно. Многие сознают, что в лагере эмоции застилали разум, можно было чувствовать, но невозможно было понять и запомнить. Именно поэтому их рассказы выглядят сбивчивыми, хаотичными, нарушающими хронологию. Иногда для описания пережитых ужасов слов не хватает, и их заменяют мимикой и жестами. Люди задаются вопросами, почему они не сопротивлялись депортации, почему вовремя не спрятались, почему не смогли спасти своих близких, почему в сложной ситуации поступили так, а не иначе. Но что-либо исправить уже невозможно, и это приводит

их в отчаяние. Такая память сковывает сознание и мешает нормально жить, и людей охватывает бесконечная тоска, они теряют вкус к жизни. Как признавалась одна женщина, «мы не похожи на вас. У вас один единый взгляд на мир, а у нас два разных. Я живу одновременно на двух планетах» [[Langer, 1991, p. 53]. Поэтому, как это ни парадоксально, люди признаются, что освобождение не приносило им особой радости, и возвращение к нормальной жизни не давало облегчения [ibid., p. 39–76, 171]. И это подчеркивал еще Примо Леви.

В отличие от рваной мучительной памяти, память об унижениях содержит в себе целостный образ чистого горя, который устойчиво держится десятилетиями. Многим узникам, у которых отобрали будущее, унижения казались хуже смерти. Память об унижениях не имеет отношения ни к культуре, ни к истории. Связи между прошлым и настоящим утрачены. В такой памяти царит перенесенный когда-то голод, который невозможно утолить. Это – главное чувство, оттеснявшее в лагере все остальное и заставлявшее идти на предосудительные поступки. Поэтому в лагере чувство собственного достоинства теряло всякий смысл, и бывшие кошмары заставляли сомневаться в принятых в обществе этических нормах. Ни о каком героизме в таких условиях говорить не приходится. Лангер называет такую память «самой острой формой воспоминаний, не допускавшей никакой компенсации». Ведь она возвращает худшие моменты пережитого [ibid., p. 83–84], не вызывавшие ничего, кроме стыда, и именно по этой причине некоторые бывшие узники хранили молчание [ibid., p. 77–120].

В свое время Примо Леви обратил внимание на поведение узников, резко противоречившее принятой этике мирного времени. Он представлял это некой «серой зоной», где под угрозой гибели прежняя этика оказывалась бесполезной и даже смертельно опасной. И это заставляло нарушать принятые моральные нормы ради того, чтобы выжить [Леви, 2010; также см.: Brown, 2018; Полян, 2018]. Лангер называет оправдание предосудительного поведения стыдной памятью, которая ничего не создает, а только все разрушает [Langer, 1991, p. 121–161]. У узников не было хорошего выбора. Порой их под страхом смерти заставляли совершать бесчеловечные поступки, и они на это соглашались. Одна бывшая узница признавалась, что в концлагере люди вели себя как звери, и иначе вести себя было невозможно. Мало кому хотелось жертвовать собой ради другого [ibid., p. 125–126]. По словам Лангера, в этих условиях грань между героизмом и злодейством стиралась, и

в своих рассказах бывшие узники их не различали, не замечая содержащихся там противоречий [[Langer, 1991, p. 135–138, 147–149].

Редко кому из бывших узников удавалось сохранить самообладание после того, как они не только все это наблюдали, но и сами в этом участвовали. Это ломало людей, и им было очень непросто, если вообще возможно, вернуться к нормальной жизни. Большой радости от последней они не чувствовали. Они и сами бывали неприятно поражены расхождением своего реального поведения в лагере с моральными нормами, которым когда-то обучались. Понятно, что им было больно об этом вспоминать и трудно об этом рассказывать. Поэтому многие из них молчали, некоторые все же шли на это, однако аудитория, воспитанная на этических нормах цивилизованного общества, далеко не всегда их понимала: сегодня трудно понять рассуждения о таких недостойных поступках и видеть их мотивацию. Как пишет Лангер, рациональный подход здесь бессилён.

Наконец, он выделяет такую категорию, как «негероическая память», и приходит к выводу о том, что Холокост создавал не героическую, а ущербную личность. Проанализировав десятки воспоминаний, он скептически относится к утверждениям о «высоком духе сопротивления» и о героизме узников. По его наблюдениям, если таковое имело место, то лишь в виде редкого исключения. Он пишет о духовном параличе, о чувстве беспомощности, что позволяло нацистам делать с людьми все, что они хотели [ibid., p. 162–200]³. Лангер замечает, что насилие, пассивность и безразличие были естественными и неудивительными в подобных жутких обстоятельствах, где значение семьи, дружбы, свободы настолько изменялось, что эти понятия теряли всякий смысл [ibid., p. 168–169]. Однако оставались в силе и некоторые моральные соображения, мешавшие героическому сопротивлению. По словам одной узницы, чтобы выступить против, надо было понять, что за это наказан будешь не только ты, и многие другие. Легче было сказать: «я принесу себя в жертву ради вашего освобождения», чем «я выступлю и тем приговорю к смерти всех вас». Кто мог взять на себя такую тяжелую ответственность [ibid., p. 181–182] ?

В заключение Лангер выражает крайний пессимизм относительно дальнейшей жизни бывших узников, переживших страшную трагедию. Он подчеркивает, что опыт концлагеря вел не к укреплению личности, а к ее распаду, и бывших узников концлагерей с

их навсегда травмированной памятью невозможно было избавиться от меланхолии [ibid., p. 203–204].

Нетрудно заметить, что в рассуждениях Лангера отсутствует строгость, и в описании отдельных видов памяти встречаются сходные сюжеты и сходные характеристики. Очевидно, этого трудно избежать в силу гетерогенности человеческой памяти. Но в целом его книга дает хорошее представление о бесчеловечной атмосфере концлагерей, о трудностях интеграции бывших заключенных в современное общество, об особенностях их травматической памяти и о сложностях их контактов с аудиторией. Главный вывод автора сводится к тому, что бывшие узники концлагерей теряли цельность натуры, так как там они не были свободны, не были хозяевами своей судьбы и во всем зависели от воли случая и, прежде всего, нацистов. И он на протяжении 200 страниц пытается объяснить западному читателю, как это разрушает человека. Нашему читателю, мне кажется, это объяснять не нужно. При жестком авторитарном режиме человек оказывается в приближенных к тому условиях, хотя и не похожих на нацистский концлагерь, причем даже ГУЛАГ от него отличался. Однако существование в такой атмосфере вызывало сходные чувства и кое в чем похожее поведение. Это тоже не способствует формированию целостного характера, если приходится хитрить, притворяться, обходить обсуждение острых вопросов, проявлять двоемыслие. Это калечит человеческую душу и разрушает ее, как это происходило с узниками.

В таких условиях и складывались особенности памяти бывших узников. Они никак не могли расстаться со своим страшным прошлым и как бы жили одновременно в двух разных мирах – здесь и все еще там. Некоторых мучили ночные кошмары, другие испытывали стыд и вину. И это не позволяло им полностью вписаться в современность. А третьи просто не выдерживали груза страшных воспоминаний и кончали жизнь самоубийством.

Память всегда соседствует с забвением, и М. Бернард-Дональдс разрабатывает такое понятие, как «забывчивая память» [Bernard-Donals, 2009]. Понимая, что рассказ о событии отличается от самого события, он изучает, как событие превращается в нарратив. Еще Э. Левинас замечал, что нельзя отождествлять событие с памятью о нем [Levinas, 1998; 2007]. Действительно, память не позволяет воссоздать событие во всех деталях, причем в воспоминаниях всегда обнаруживается отношение к событию, включая этический момент. Кроме того, рассказывая о былой трагедии, человек с трудом подбирает слова и говорит далеко не все. А в слу-

чае с такими трагедиями, как Шoa, провалы в памяти неизбежны. Здесь-то и проявляется то, что Бернард-Дональдс называет забывчивой памятью. Об утратах и лакунах, постоянно сопровождающих память, говорит и известный фильм Клода Ланцмана «Шoa» [Ланцман, 1985]. Когнитивный психолог Э. Лофтус описывает это явление как «вытеснение воспоминаний», понимая под этим намеренное выталкивание одного или нескольких воспоминаний о травматичных событиях в подсознание. Вернуть такие воспоминания, по ее мнению, невозможно [Лофтус, Кетчем, 2018].

Уже известная нам «мучительная память» подчеркивает разрыв между тем, что человек знает по личному опыту, и тем, о чем готов рассказать. Участие в событии рождает жизненный опыт, который, будучи перегруженным эмоциями, выдает себя за событие. А восприятие ужасного события настолько перегружено эмоциями, что само событие исчезает из памяти, оставляя только слабый след и пустоту [Bernard-Donals, 2009, p. 11–15, 34–35]. И память сохраняет лишь обобщенный коллективный образ⁴. Поэтому рассказ о нем и получается сбивчивым, путаным, будто бы лишенным логики. Рассказчику не хватает слов, или же он понимает, что для описания пережитой когда-то трагедии вообще нет нужных слов. Иногда он говорит то, что говорить вовсе не собирався, поэтому выступать означает ставить себя под удар. Это приводит человека в трепет, он теряется и в смятении замолкает или прибегает к языку жестов. А несоответствие события тому, что мы запоминаем и о чем рассказываем, само по себе травматично. К этому добавляется также то, что аудитория может воспринять сказанное по-своему; кто-то вообще может счесть это ложью [ibid., p. 26–27; см. также: Edkins, 2003, p. 174, 177].

Например, хорошо известен эпизод из шоу Филя Донахью, показанного в 1994 году, где бывшая узница высказала твердое убеждение в том, что из трупов заключенных нацисты делали мыло, хотя к тому времени этот слух уже был убедительно опровергнут⁵. За это тут же ухватился отрицатель, пытавшийся на этом основании полностью дезавуировать все ее воспоминания [Bernard-Donals, 2009, p. 103]. Бернард-Дональдс упоминает также известную книгу Яна Гросса о Ядвабне, где вскоре после прихода нацистов поляки сожгли в амбаре всех местных евреев. Между тем, как показали последующие исследования, в собранных им данных обнаружилось много спорного, хотя сам факт погрома подтвердился. Выяснилось, что воспоминания об исторических событиях всегда содержат разночтения и вызывают вопросы [ibid., p. 104–110].

Здесь-то и требуются этика и чувство ответственности за свои слова, о чем рассуждал Левинас.

Тема Холокоста не свободна и от фальсификаций, самой яркой из которых служат так называемые воспоминания Вилкомирского, ставшие поначалу бестселлером, пока не был раскрыт их поддельный характер. Эта книга была впервые опубликована в Германии в 1995 году, причем ее автор выдавал себя за человека, в четырех-пятилетнем возрасте побывавшего в нескольких концлагерях. После войны его как сироту усыновила швейцарская семья, окружившая его заботой и не желавшая, чтобы он помнил свое ужасное детство. Лишь в школе он понял, что война закончилась, а став взрослым, принялся за воспоминания. Они были поданы настолько мастерски, что книга быстро получила признание и была переведена на иностранные языки. Однако в 1998 году она была признана подлогом. Было установлено, что ее автором был Бруно Дессекер, который, вопреки его утверждениям, родился вовсе не в Латвии, а был незаконным сыном швейцарской матери-одиночки, неспособной его прокормить и в двухлетнем возрасте уступившей его усыновителям. Его воспоминания были основаны на его собственных фантазиях и на воспоминаниях реальных узников, которые он прочел во множестве. Специалисты полагают, что в детстве Дессекер перенес травму как брошенный матерью ребенок и затем поддал эту травму в виде воспоминаний о Холокосте [ibid., p. 82–85; Suleiman, 2008, p. 164–172].

Известно еще несколько такого рода фальшивок, и они активно используются ревизионистами для того, чтобы поставить Холокост под сомнение. Иногда среди бывших узников попадают малокомпетентные самодеятельные экскурсоводы, которые лишь запутывают посещающих концлагеря туристов своими небылицами [Edkins, 2003, p. 169–170].

Здесь возникают важные вопросы, напрямую касающиеся оценки воспоминаний. Даже в воспоминаниях авторитетных авторов, прошедших концлагеря, встречаются неточности. Например, это было обнаружено в воспоминаниях Эли Визеля. Тем не менее, если говорящий допускает ошибки, если в его словах содержится путаница, надо ли на этом основании полностью отвергать его воспоминания как очевидную ложь? Ревизионисты и даже некоторые историки так и поступают. Однако, признавая, что личные воспоминания часто перегружены семейными мифами, некоторые специалисты призывают бережно к ним относиться, отвергая огульное недоверие. Свидетель может ошибиться просто в силу

незнания каких-либо фактов, которые он может узнать много лет спустя. Следует лишь отделять реальные факты от вымысла [Suleiman, 2008, p. 137–138, 151–152, 172–177].

Воспоминания неизбежно несут налет субъективности и перегружены эмоциями, нередко так или иначе искажающими реальность. По словам Бернард-Дональса, видеть – это не значит понимать ситуацию и ее причины. Это лишь зафиксированный момент катастрофы и момент забвения. Свидетель не может внятно объяснить, что произошло. Поэтому и мы не можем это адекватно понять [Bernard-Donals, 2009, p. 97]. Ни один нарратив не раскрывает все детали, а индивидуальные переживания исчезают прежде всего.

Холокост – это совершенно особое событие, многие детали которого не сохранились. Об этом говорят многочисленные фотографии эпохи войны, вырванные из контекста. Все они указывают на коллективную трагедию, причем нередко лишь косвенным образом, своими второстепенными деталями, но мы мало что знаем об изображенных там людях, об обстоятельствах их жизни, трагической истории и смерти [ibid., p. 60–79]. А то, о чем говорят свидетели, – частичное неполное знание. Но за отсутствием строгих данных очень важными оказываются слова очевидцев – не профессиональных историков, а обычных людей с их сложными эмоциями. И именно здесь, как считает Бернард-Дональс, требуется особый язык, отличающийся от языка историков [ibid., p. 32]. Следуя Й. Йерушалми в его трактовке понятия «анамнез» как забвения ради изобретения мифического прошлого [Yerushalmi, 2002, p. 106–117.], Бернард-Дональс утверждает, что в воспоминаниях о Холокосте надо видеть не воспроизведение реальных событий, а глубокий разрыв и лишь указание на утраченное. Речь идет о движении от увиденного к высказываемому. Холокост в этом смысле является самым последним и самым ярким провалом в еврейской памяти [Bernard-Donals, 2009, p. 161–163, 177]. Разумеется, радикализм этого подхода вовсе не является отрицанием Холокоста как реального события, подтверждающегося самыми разнообразными многочисленными документами.

Поднимая сходные вопросы, историк С.Р. Сулейман делает акцент на конфликте памяти – индивидуальной и коллективной, которые при этом остаются в симбиозе. Речь идет о различном восприятии события индивидом и группой, что, по ее мнению, вызывает кризис памяти. В своей книге она обращается к вопросу о динамике памяти о Второй мировой войне во второй половине

XX века на примерах памяти о сопротивлении и коллаборационизме во Франции, а также памяти о Холокосте в США и Европе. В частности, она задает вопрос о том, кому сегодня важна память о Холокосте – только ли евреям или же она имеет глобальное значение. Сулейман также отделяет травматическую память от нарративной: первая наполнена неизбывной меланхолией, тогда как вторая предполагает смену объектива и реинтерпретацию, позволяя приспособиться к окружающей действительности [Suleiman, 2008, p. 139–140]⁶.

Эта память и отношение к ней со временем менялись: в течение первых послевоенных десятилетий многие евреи не хотели, а в Восточной Европе и не могли об этом вспоминать. В особенности это касалось Польши и Венгрии, где отмечался высокий уровень антисемитизма. Эта ситуация стала постепенно меняться в 1970-е годы, а 1990-е были уже заполнены самыми разными воспоминаниями, принявшими вид бурлящего потока. Причем в Венгрии прогремел фильм Иштвана Сабо «Восход солнца», посвященный трагической еврейской истории в XX века от благоденствия в Австро-Венгрии до преследований и истребления при нацистах и вплоть до ассимиляции и плавающей идентичности в послевоенный период, который знал и антисионистские кампании. Анализируя его, Сулейман с тревогой замечает, что, если в современной демократической Венгрии главный герой возвращает себе еврейскую идентичность, то к еврейской культуре он вернуться не способен: прошлое ему ничего не дает, а будущее остается пустым местом [Suleiman, 2008, p. 130].

Как известно, со сменой поколений меняется и память. Сегодня специалисты выделяют в особую категорию малолетних детей (от 3-х до 10-летнего возраста), выживших в Шоа. Они своими глазами видели происходившие вокруг события, но не были способны их осознать, глубоко понять, лишь испытывали недоумение и беспомощность. Таких людей относят к поколению 1.5, и среди них встречаются писатели. Обращаясь к теме Холокоста, они с трудом находят нужные слова, а иногда вовсе их не находят и тогда говорят намеками, иносказаниями. По словам С. Сулейман, они ухитряются многое сказать, ничего не говоря [Suleiman, 2008, p. 179–184, 202–211]⁷. Их следует отличать от детей бывших узников, получавших сведения напрямую от родителей. Память такого поколения 2.0 М. Хирш назвала «постпамятью» [Hirsch, 1997; 2012]⁸. По словам А. Ассман, «дети и внуки включают часть вос-

поминаний старших членов семьи в состав собственного опыта, где смешиваются услышанное и пережитое» [Ассман, 2014, с. 22].

Многие узники ничего или почти ничего не рассказывали детям, так как не хотели их травмировать воспоминаниями об утратах. Чтобы восполнить эти пробелы в своих знаниях, дети бывших узников ездили в местечки, откуда происходили родители, посещали бывшие концлагеря, собирали рассказы старших родителей, обращались к старым письмам, ходили в архивы и музеи, после чего снимали фильмы, писали мемуары, описывали биографии родителей, а в последние десятилетия проявляли высокую активность в социальных сетях, пытаясь по крупицам собирать информацию о событиях Холокоста. Это достигло кульминации в 1980–1990-х, когда старики умерли, а поколение 2.0 достигло среднего возраста. Некоторые искали родственников, другие восстанавливали историю семьи, и им была интересна жизнь родителей, третьих привлекали события войны, четвертые просто поминали погибших сородичей. Их главной бедой было то, что, в отличие от окружающих, они были способны проследить свои генеалогии лишь на одно-два поколения, а дальше всякие связи обрывались. Туристические поездки по Восточной Европе показывали им, что их родина исчезла навеки; на месте былых общин они находили пустоту и теперь могли представить родину только в своем воображении. С одной стороны, они все-таки обретали корни, но с другой, видя последствия Холокоста, чувствовали ужас. После таких поездок они лучше понимали своих родителей, но сами они ощущали себя чужаками, оторванными от среды, и их мучил кризис идентичности. Впрочем, туристические поездки имели некоторый терапевтический эффект. Они помогали преодолеть горечь былых утрат, понять место этих утрат в своей жизни и установить солидарность с подобными себе [Stein, 2009, p. 293–309].

Как отмечает В. Ааронс, изучавшая особенности памяти людей второго и третьего поколения, дети чувствовали, что их родители являлись заложниками травмы, и остро это переживали. А память внуков движется по очень условной карте, руководствуясь искореженным нарративом. Они всеми силами стремятся воссоздать прошлое, заполнить зияющие пробелы. Ведь для них Холокост остается глубокой ямой, куда они постоянно проваливаются. Он находится на периферии их сознания. Это как бы тени на задворках их жизни. Речь идет об отсутствии своего собственного опыта, на место которого заступает воображение, уподобляемое Ааронс старым фотографиям, пришедшим из совсем другого неве-

домого мира [Aarons, Berger, 2017, p. 4]. По ее словам, авторы третьего поколения находятся в биологическом или воображаемом родстве с теми, кто пережили Холокост, т.е. это связи родственные или культурные, что позволяет людям наследовать травму и переживать страдания [ibid., p. 14]. Но, наследуя боль от родителей, дети живут амбивалентными чувствами: они разрываются между долгом перед родителями и необходимостью строить свою жизнь, которой не должны мешать события Холокоста. Они испытывают гнев за порушенную прошлую жизнь и испытывают страх перед будущим, часто не понимая, как им перенести родительскую травму. У третьего же поколения остается лишь чувство утраты и пустоты, перемежающееся с остаточным гневом, и оно живет воображением [ibid., p. 28–31].

Наконец, есть еще одна тема, связанная с травматической памятью. Холокост – это событие международных масштабов; он стирал государственные границы, охватывая огромные территории, откуда депортировали евреев туда, где их методично убивали – будь это концлагеря или оккупированные территории СССР. Но и это еще не все, ибо память о Холокосте сильновыплескивается за эти пределы – еврей-беженцы расселились далеко за границы Европы и, прежде всего, в США и Израиле, принеся с собой и свою травматическую память. Поэтому-то и встает вопрос о глобализации памяти, что уже годами обсуждается специалистами. Еще М. Хальбвакс показал социальный характер памяти, зависящий от коллективных форм и способов восприятия – таких как язык, идеи, концепции, время и пространство и пр. При этом, хотя главными уровнями памяти остаются локальный, общинный/групповой или этнический и национальный, некоторые специалисты выступили с идеей о формировании космополитической памяти, основанной на памяти о Холокосте, транслируемой глобальными СМИ [Levy, Sznajder, 2001; 2002, p. 87–106], а также представленной с 1999 года в международных образовательных программах и закрепленной в международном дне памяти 27 января, учрежденном ООН в 2005 году. Правда, в данном случае правильнее говорить не о глобальной, а о транснациональной памяти [Transnational Memory ... , 2014; Kansteiner, 2017, p. 305–343].

Но и это вызывает множество сложных вопросов, ведь реальность и ныне организована по национальным лекалам: разные европейские государства знали свою историю Холокоста, и именно она более всего сохраняется в национальной памяти, нередко вызывая конфликты памяти [Bensoussan, 2013, p. 13–17; Wetzel,

2013, р. 19–28]. Причем во многих азиатских странах и в Латинской Америке акцент делается на свои собственные национальные травмы («национальная виктимизация»). И иной раз попытки широко распространять память о Холокосте воспринимаются там как «американизация» и новый вид западной гегемонии. Поэтому прийти к какой-либо универсальной трактовке Холокоста не получается [Alexander, 2002, р. 5–86; Assmann, 2010, р. 97–117; Lim, 2010, р. 138–162; Dreyfus, Stoetzler, 2011, р. 69–78; Ryan, 2012, р. 501–514; Bartov, 2023, р. 13–16; Struve, 2023, р. 7–11]. Например, образование государства Израиль было негативно воспринято в арабском мире как незаконная оккупация былых арабских земель. С тех пор ненависть к Израилю сопровождается там как отрицанием Холокоста, так и отождествлением сионизма с нацизмом. Появление в последние 20 лет либеральных арабских интеллектуалов, не разделяющих эту позицию, кардинально картины не меняет [Webman, 2013, р. 41–59]. В Турции проблема Холокоста находится на обочине общественных дебатов. Иногда турецкие дипломаты, отрицая армянский геноцид, подчеркивают, что турецкие паспорта помогали евреям спастись от нацистов. Некоторые другие авторы, признавая Холокост, упрекают израильтян в том, что, пережив такой страшный опыт, они допускают угнетение палестинского народа [Bali, 2013, р. 61–69].

Объективированная память

Не меньше вопросов вызывает и материализованная память. Как она выглядит или должна выглядеть? Как именно она изменялась в течение десятилетий? Кому она принадлежала и как была представлена в разных национальных традициях? Как именно можно выразить весь ужас Холокоста в памятниках, монументах и музеях?

С самого начала было ясно, что прежние традиционные формы памятников для этого непригодны. Ведь речь шла о столь ужасных событиях, связанных с сознательным планомерным уничтожением целого народа, которых история прежде не знала. По словам Зигмунта Баумана, индустрия, предназначенная ранее для производства материальных благ, теперь была всемерно использована для уничтожения, поставленного на поток [Bauman, 1989; Бауман 2010; также см.: Полян, 2018]. И посвященные этому памятники должны были демонстрировать не нечто осязаемое, а полную пустоту, крошечную бездну, не только поглотившую мас-

су ни в чем не повинных людей, но призванную поглотить и саму память о них. Как когда-то объяснил мне сотрудник Яд Вашема, там удалось достоверно установить имена примерно 4 млн погибших, но многие ушли в небытие целыми общинами, от которых не осталось никаких следов; не осталось и соседей, которые могли это наблюдать и дали бы соответствующие показания. Поэтому многие имена остались неизвестными, и нет больших надежд установить их все в будущем.

За послевоенные десятилетия память о Холокосте не оставалась неизменной. Она показывала определенную динамику, и это отражалось на памятниках и музеях. Первое широкое исследование такого рода проблем провела С. Милтон в сотрудничестве с фотографом И. Новинской во второй половине 1980-х гг. [Milton, 1991]. Милтон показала, как в различных странах такая память находилась в плену у местной политики, старавшейся всеми силами снять с себя ответственность за геноцид. Например, хотя в Нацивайлер-Штрутхоф, где находился единственный во Франции немецкий концлагерь, были устроены мемориал и музей, в других местах, где то же самое делали французы, не возникло ничего подобного, так как это ставило неприятные вопросы о коллаборационизме. В ГДР Бухенвальд связывали с местом заключения коммунистов, и евреи там выглядели политическими активистами, а не этнической или религиозной группой. И речь шла о триумфе освобождения, а не о жертвах нацизма. В Хиросиме был построен музей, посвященный атомной бомбардировке и геноциду в XX веке, но там ни слова не говорилось о японском милитаризме 1931–1945 гг., о нанкинской резне или о медицинских опытах в Манчжурии.

Везде память об ужасах войны имела свою специфику. В Израиле это было связано с историей антисемитизма и становлением государства, в США подавалось в более широком контексте расизма, и список жертв расширялся за счет цыган. В Германии делался акцент на немецкую историю, в Польше и СССР – на варварство времен войны, в Японии вспоминали об атомной бомбардировке Хиросимы [ibid., p. 8]. Если до Второй мировой войны памятники прославляли патриотизм и героизм, то после нее акцент был перенесен на трагедии и страдания. При этом многие мемориалы Восточной Европы социалистической эпохи не упоминали евреев⁹. С. Милтон объясняла это тем, что здесь, с одной стороны, требовалось подчеркивать антифашистское сопротивление, а с другой, официальная идеология, апеллировавшая к идее гражданского равенства, не различала жертвы по национальному признаку.

Причем в Западной и, отчасти, Восточной Европе акцент часто делался на национальной идентичности, и во Франции евреи становились французами, в Польше – поляками, в Венгрии – венграми. Но в СССР, где этничность указывалась в паспорте, евреи оставались евреями, и власти чинили препятствия для мемориального закрепления памяти о Холокосте (рис. 1), опасаясь укрепления еврейского этнического самосознания, а также подрыва узаконенной иерархии народов, возглавляемой славянами¹⁰. В США и Израиле тоже подчеркивалась еврейская идентичность, но там редко упоминали цыган или инвалидов.

Рис. 1. Памятник жертвам фашизма в Кисловодске

В Восточной Европе памятники возводились, главным образом, при поддержке властей, а в Западной Европе это были местные инициативы, прежде всего со стороны евреев. В Германии, причем как в ФРГ, так и в ГДР, в первые послевоенные десятилетия концлагеря были уничтожены, и на их месте возникали военные казармы, тюрьмы, коммерческие предприятия или просто поля. В Польше в Лодзи на месте гетто тоже никаких памятников не появилось. До начала 1960-х годов в Европе встречались лишь

единичные памятники, посвященные Холокосту. Многие стали меняться только после шумного суда над Адольфом Эйхманом в 1961 году и после выхода голливудских фильмов «Дневник Анны Франк» (1959) и «Нюрнбергский процесс» (1961).

В ГДР в этот период мемориальные комплексы были созданы в трех концлагерях: в Бухенвальде (1958), Равенсбрюке (1959) и Заксенхаузене (1961, реконструкция в 1990-х). В 1960-е годы эту эстафету подхватили во Франции (Нацвайлер-Штругхоф, 1960), ФРГ (Дахау, 1965, реконструкция в 1997–2003 гг.), Италии (Сан Сабба в Триесте, 1965), Австрии (Маутхаузен, 1970), а после объединения Германии музей возник в Дора-Миттельбау (2006). Теперь новое поколение смело ставило вопросы об истории, на что определенное влияние в Западной Европе оказали студенческие волнения 1968 года, а в США к ним прибавились движение за гражданские права в 1950-1960-х и протесты против войны во Вьетнаме. В ФРГ молодые волонтеры начали ухаживать за памятниками в концлагерях. В 1960–1970-е годы стали проводиться научные конференции и возникать музейные экспозиции, посвященные Холокосту и участи европейских евреев.

В 1960–1970-е годы памятники появились в США, Израиле и ЮАР, куда направлялись потоки беженцев и бывших узников. В Филадельфии в центре города в апреле 1964 года поставили большую бронзовую скульптуру евреев, но в неудачном месте, где было слишком большое движение. Но время для широкой публичной памяти о Холокосте еще не пришло [Milton, 1991, p. 10–12].

В 1970-х годах в ФРГ наблюдался расцвет туризма, направленного на посещение концлагерей. Обычно это поддерживалось бывшими узниками, студентами и левыми. Тогда ставили таблички на месте разрушенных в 1938 году синагог и на месте концлагерей, где проводились раскопки с участием студентов. Все это подготовило почву для четырехсерийного телевизионного фильма «Холокост. История семьи Вайс» в США и Европе в 1978–1980 гг., когда началась новая фаза мемориализации Холокоста. В 1980-е годы в разных странах Европы стали возникать музеи и появились памятники, причем не только евреям, но также цыганам и геям. Однако иной раз это сопровождалось жаркими дискуссиями, как это произошло в 1987 году в Амстердаме с памятником геям и лесбиянкам как жертвам Холокоста.

В США не было каких-то особых исторических мест, связанных с Холокостом. Большую роль там сыграли следующие факторы: 1) скопилось много беженцев из Европы, 2) американцы

участвовали в освобождении концлагерей, 3) в США нашли убежище как многие бывшие узники и их потомки, так и бывшие нацисты, 4) американцы играли большую роль в Нюрнбергском процессе. Но в условиях Холодной войны там долго не хотели придавать значение Холокосту, события которого происходили в Европе. А бывшие узники поначалу занимались устройством своей жизни [Milton, 1991, p. 15]. Зато к началу 1980-х годов в США уже имелось до ста центров Холокоста с большим участием евреев, особенно молодых, желавших знать свою историю. В 1987 году в США возникла национальная Ассоциация организаций Холокоста. В итоге в 1970-х годы в США и Западной Европе было поставлено несколько сотен памятников, но многие низкого качества и в малоподходящих местах.

Общей чертой таких памятников и музеев было то, что они говорили о страданиях, а не об их причинах. Это, например, было присуще задуманному мемориалу в Бонне, посвященному, по словам канцлера Хельмута Коля, «немецким жертвам войны и репрессивного режима». Смешение жертв и мучителей, как и посещение Рейганом и Колем кладбища СС в Битбурге в 1985 году, вызвало тогда немало критики [ibid., p. 16–17].

Из былых концлагерей высокой степенью сохранности отличаются лишь Освенцим-Биркенау в Польше и Маутхаузен в Австрии. На месте Освенцима 1 в 1947 году был создан музей, где многие разрушенные оригиналы были заменены реконструкциями, к которым были добавлены груды вещей, привезенных из Биркенау, где и убивали евреев [Carrier, 2005, p. 24; Edkins, 2003, p. 149–150]. А в 1967 году там появился памятник жертвам нацизма. В Маутхаузене был открыт мемориальный музей и устроен парк скульптур. На месте других концлагерей мало что сохранилось, но и там со временем появились музеи и мемориальные комплексы.

Первый нацистский концлагерь Дахау был создан Гиммлером для политических противников в 1933 году. Евреев туда стали свозить только в 1938 году после Хрустальной ночи, а в годы войны к ним добавили различных оппозиционеров и священников, привезенных из других стран. Дахау не был лагерем смерти, но в нем погибли более 30 тыс. заключенных. В частности, там в 1941–1942 годы производился массовый расстрел советских военнопленных. После войны контингент заключенных изменился, и в лагере держали офицеров СС. Многие лагерные постройки были разрушены или перестроены, и сегодня туристы там видят в основном реконструкции. Поэтому об аутентичности говорить не приходится.

При этом, хотя за годы состав узников не раз менялся, туристам показывают только нацистский лагерь. Их записи в книге отзывов ошеломляют, ибо там встречаются как антинацистские, так и пронацистские высказывания. Кроме того, посетители проводят параллели с геноцидом в Руанде, на Балканах и т.д. Этот разброс мнений не позволяет считать проблему решенной [Edkins, 2003, p. 135–148].

В книге Милтон материализованная память о Холокосте представлена сотнями фотографий, сделанных И. Новинской. Там показаны ландшафты ряда концлагерей, причем как оригинальные сооружения, так и реконструкции: входные ворота, ряды колючей проволоки, караульные башни, камеры пыток, помещения для чудовищных медицинских опытов, крематории с газовыми камерами.

На месте бывших концлагерей возводилось множество монументов. Причем за десятилетия их форма менялась: в 1940–1950-е годы она повторяла традиционные памятники неизвестному солдату или изображала колокольню (в Бухенвальде), в 1960–1970-х появились более абстрактные мемориалы с элементами модерна, в частности, в виде скульптур мучеников или миноры, а в 1980-х репертуар обогатился новыми абстрактными формами. Например, памятник в Треблинке показывал железнодорожный путь в никуда. Там же в 1964 году возникло символическое кладбище из каменных стел разного размера и формы, увенчанное огромной расколотой посередине колонной из каменных блоков, показывающей еврейскую жизнь после Треблинки. Оригинальный памятник, поставленный в Маутхаузене в 1964 году, состоял из нескольких практически одинаковых фигур с поднятыми вверх руками со сжатыми кулаками. С одной стороны, этим демонстрировалась обезличенность жертв, а с другой – их солидарность. В Бухенвальде скульптурная группа напоминала о восстании узников накануне освобождения лагеря американцами.

Со временем памятники стали появляться в публичном пространстве городов, прежде всего в старых еврейских кварталах. В Праге в Майзеловой синагоге был сохранен «Музей исчезнувшего народа», организованный в свое время нацистами и хранящий память об их чудовищных планах [Шнирельман, 2015, с. 37]. В Варшаве сперва в 1946 году, а затем в 1948 году на месте Варшавского гетто были поставлены памятники восставшим. А в Амстердаме появились памятники не только евреям, но и таким жертвам нацизма как цыгане и гомосексуалисты.

Одним из самых красноречивых памятников стал памятник жертвам Холокоста в Берлине, возведенный американцами – архи-

тектором Питером Эйзенманом и скульптором Ричардом Серра – и открытый в 2005 году (рис. 2) Там посетители видят бесконечные ряды из 2700 бетонных тумб разного размера, которые уходят в землю все глубже и глубже, показывая страшную участь невинных жертв, лишенных не только голоса, но и имени. В четырех полуподземных помещениях содержатся документы с длинными списками имен погибших и описанием их трагической жизни и смерти. Причем речь идет обо всех жертвах, а не только о евреях. Создателей занимала политическая идея; они не думали о конкретных исторических фактах и их истолкования. Мемориал задумывался как универсальный символ, независимо от интерпретации, а последняя могла быть очень разной.

Рис. 2. Памятник Холокосту. Берлин

Этот мемориал изначально вызывал и до сих пор вызывает много вопросов как у специалистов и политиков, так и у широкой публики: для кого он был построен, какое понимание истории давал, адекватен ли он теме геноцида, насколько вообще такого рода памятник является эффективным видом коммеморации. Евреи видели Холокост своей уникальной трагедией, а цыгане требовали себе места в этой трагической истории. Именно поэтому во избе-

жание конфликтов памятник принял абстрактную форму [Carrier, 2005, p. 99–142].

Идею пустоты и безнадежности, несет и известный построенный в 1999 году и открытый в 2001 году. Еврейский музей в Берлине, где посетителя встречает уходящий во мрак бетонный туннель («Ось Холокоста»), стены которого содержат названия концлагерей (рис. 3). А пол другого туннеля, «Провал памяти», покрыт небрежно разбросанными несчетными стилизованными и стандартизованными изображениями человеческого лица, названными создателем инсталляции израильтянином Менаше Кадишманом «упавшими листьями». Здесь тоже речь идет о бессловесных жертвах, поглощенных ненасытным чревом ненависти и обреченных на забвение. Есть там и туннель, обещающий надежду, но на самом деле представляющий «путь в изгнание». Таким образом, если некоторые писатели, будучи не в силах адекватно высказаться, заполняют воспоминания о Холокосте пустотами и пробелами [Suleiman, 2008, p. 188–89, 202], то, как мы видим, скульпторы и архитекторы тоже прибегают к образу пустоты, но трактуют ее с помощью своих изобразительных средств [Young, 2001, p. 187–188, 191–193].

Рис. 3. Ось Холокоста. Еврейский музей в Берлине

По-своему идея пустоты, оставленной Холокостом, нашла выражение в Вене, где перед Еврейским музеем на Юденплац стоит памятник 65 тыс. венским евреям, уничтоженным нацистами. Он сделан британской скульпторшей Рейчел Уайтред в виде закрытой библиотеки с полками, занятыми бесконечными изданиями одной и той же книги, доступа к которой ни у кого нет. Но в Вене есть и иные трактовки трагедии, к которой привел нацизм. Там в бывшем еврейском квартале на мостовой можно видеть длинную надпись, оставленную подростком: «Я был на Леопольдгассе/Мальцгассе, когда услышал страшный шум. В нашей школе избивали учителей, и директор Йоэль Поллак лежал в крови. У него была сломана переносица. Я побежал домой. Но боевики из Гитлерюгенд охотились за мной. Я побежал по короткой улочке, где жил “арийский” торговец, а рядом стояли дома еврейских мясников». В центре города на площади Альбертина напротив гранитного памятника, поставленного скульптором Альфредом Хрдличкой в память о погибших при авиационном налете в марте 1945 года, стоят возведенные им же скорбные Врата насилия, посвященные узникам Маутхаузена, а перед ними на бульжной мостовой распласталась фигура старого еврея, вынужденного по издевательскому приказу нацистов чистить площадь обувной щеткой (рис. 4). А на углу Грюненфоргассе можно увидеть огороженную стальной решеткой и перекрытую стеклом квадратную яму, дно которой усеяно табличками с именами убитых евреев Вены и прикрепленными к ним ключами от их квартир. В свою очередь на Кармелитенмаркт стоит памятник 12 евреям-антифашистам, погибшим как в Испании в составе боевых интернациональных бригад и в рядах французского сопротивления, так и в нацистских концлагерях (Маутхаузене, Дахау, Освенциме)¹¹.

В Париже располагаются три мемориальных комплекса, посвященных депортации евреев. Первый из них, «Памятник мученикам депортации», был устроен под землей на восточной окраине Иль-де-ля-Сите сразу за собором Нотр Дам. Торжественно открытый Шарлем де Голлем 12 апреля 1962 года, он должен был олицетворять единство Франции, которая мужественно сопротивлялась [Edkins, 2003, p. 128–130; Carrier, 2005, p. 58]. Поэтому там речь шла о 200 тыс. французах, включая 76 тыс. евреев («жертвах нацизма»), погибших в нацистских концлагерях, но о коллаборационизме и правительстве Виши не упоминалось. А Южная Франция была показана на карте «свободной зоной». Памятник сделан в виде длинных туннелей, стены которых покрыты 200 тыс. точками

в память погибших, названиями трех десятков концлагерей, высказываниями известных французских писателей и поэтов. Имеются и карты, показывающие численность депортированных из различных департаментов, а также расположение концлагерей. Отдельно отмечены лагеря для евреев и для цыган. Говорится о селекции новоприбывших евреев: большинство отправлялись на смерть, других использовали для различных видов трудовой деятельности. Описываются также порядки и нравы, царившие в концлагере, одежда и метки для различных категорий узников, камеры пыток, смертность заключенных и ее причины, солидарность и обоюдная поддержка узников, показаны их рисунки, а также упоминаются случаи восстаний в концлагерях и подготовка узников к освобождению. Туннели ведут к месту захоронения урны с останками неизвестных депортированных¹².

Рис. 4. Памятник старику-еврею. Вена

В столичном районе Марэ имеется также Мемориал Шоа, выросший на основе еврейского архива, созданного в Гренобле на юго-востоке Франции 28 апреля 1943 года. Исааком Шнеерсоном и превратившегося после войны в Центр документации современно-

го еврейства. Этот Мемориал тоже находится под землей¹³. Спускаясь туда, посетитель первым делом видит огромный цилиндр с названиями концлагерей. Там хранится пепел жертв Освенцима. Затем визитер встречает настенные доски с именами праведников мира, спасавших евреев. Далее идет туннель, стена которого испещрена именами 76 тыс. депортированных евреев, большинство из которых погибли в нацистских лагерях в 1942–1944 годы. Отдельно размещены фото, показывающие выпавшие на их долю испытания. В частности, посетитель знакомится с участью обитателей Каунасского гетто, многие из которых погибли в 1941–1944 годы.

Отдельная экспозиция посвящена истории антисемитизма в Европе, приведшей к нацистскому «Окончательному решению». Причем корни гонений авторы экспозиции находят в завоевании Иудеи вавилонскими войсками в 586 году до н.э. и разрушении Иерусалима императором Титом в 70 году н.э. – в обоих случаях жертвой захватчиков оказывался Иерусалимский Храм, главная святыня еврейского народа. Там же целый стенд посвящен «Протоколам сионских мудрецов», их истории и Делу Дрейфуса. В специальной крипте находится урна с прахом неизвестной жертвы и горит вечный огонь. Этим экспозиция не заканчивается, и в довершение посетителя знакомят с геноцидом в Руанде в 1990–1994 годы¹⁴. Иными словами, здесь Холокост представлен на широком историческом фоне, что придает мемориалу жгучую актуальность: несмотря на лозунг «Никогда больше», история геноцида повторяется. Об этом, по замыслам создателей мемориала, должны предупреждать проходящие в музее дни поминовения, посвященные памяти общин, уничтоженных нацистами.

Наконец, в Париже известно и третье знаковое место, связанное с депортацией евреев в Освенцим в 1942 году, – стадион Вель д' Ив (Зимний Велодром), расположенный недалеко от Эйфелевой башни. Когда памятная табличка была впервые установлена в 1946 году, скрывалось, что к депортации были причастны французские полицейские. В течение многих лет бывшие узники и их родственники устраивали там поминальные церемонии, но не приглашали представителей власти. Лишь в 1982 году церемонию посетил Жак Ширак, бывший тогда мэром Парижа. В 1986 году он открыл стелу перед стадионом и дал площади название в честь Еврейских жертв.

Но, когда в 1992 году на церемонию приехал Франсуа Миттеран, его встретили гневными выкриками, так как он ежегодно возлагал венок на могилу маршала Петена, возглавлявшего прави-

тельство Виши. Тогда Миттеран при поддержке парламента учредил «Национальный день памяти о расистских и антисемитских гонениях» и приказал возвести новый памятник, который и был поставлен в 1994 году в саду, получившем название Мемориального сада детей Вель д' Ив. Он показывает людей с детьми и чемоданами, ожидающих своей участи, а чуть дальше – двух плачущих малышей и фотографии депортированных детей, развешанные на деревьях. На стене длинная вереница имен таких детей, а перед ней – круглый камень со звездой Давида.

Если ранее память о гонениях и воспоминания жертв считались помехой для консолидации и национальной идентичности, то теперь они были узаконены государством и получили общественную поддержку. Коллаборационизм и участие правительства Виши в депортациях евреев были окончательно признаны, и президент Жак Ширак в 1995 году участвовал в такого рода публичных дебатах. Двумя годами ранее состоялась первая официальная церемония, но она утратила демократичность, и те, кто раньше ее устраивал, встретили это без воодушевления [Edkins, 2003, p. 130–131; Cartier, 2005, p. 23–24, 49–92]. А в 2002 году в ряде районов Парижа появились памятные доски, говорящие о депортации и гонениях.

Обсуждая все эти мемориалы, П. Карьер обнаруживает парадокс в том, что евреи оказывались жертвами нации, от имени которой идет коммеморация [Cartier, 2005, p. 59]. Но, отвечая на взлет антисемитизма в начале 2000-х годов, премьер-министр Пьер Раффарен отождествил национальные ценности с интересами меньшинства и заявил, что «агрессия против еврейского меньшинства – это агрессия против Франции» [ibid., p. 65]. Фактически же такая память не столько сплывала, сколько раскалывала нацию, обостряя политическое противостояние в течение всей первой четверти текущего века.

При всей их выразительности такие памятники и музеи вызывают бесконечные споры, ибо идеи их создателей поддаются интерпретации далеко не однозначной. В особенности это касается музеев. Например, вышеупомянутый Еврейский музей в Берлине страдает очевидными противоречиями, так как его традиционное содержание не соответствует его модернистской форме. Если, по планам устроителей музея, он должен был демонстрировать, с одной стороны, вписанность еврейской истории и культуры в германский контекст, а с другой, как много Берлин терял от отсутствия евреев, то, по замыслу архитектора-деконструктивиста Даниэля Либескинда, музей символизировал «Ситуацию Конца»,

пустоту, оставленную Холокостом. Но у ряда ответственных лиц это архитектурное решение вызывало отторжение. В итоге, вопреки замыслам архитектора, экспозиция музея была выстроена в традиционном духе и знакомила посетителя с историей и культурой евреев в Центральной Европе от бывшей римской провинции и до наших дней и особенностями местного антисемитизма. Однако Холокост был представлен там весьма скромно как «событие рядового значения» [Young, 2002, p. 179–197; Супрыгина, 2008, с. 69–84; Супрунчук, 2015].

Много споров вызывает и Музей Холокоста в Вашингтоне. Например, М. Бернард-Дональдс, изучавший книгу отзывов, увидел там подтверждение своей идеи о забывчивой памяти. Он критикует нарочитую нарративность экспозиции, где увиденные события не запоминаются, а проникают в индивидуальную и культурную память, оставаясь там в запечатанном виде. Он упрекает организаторов экспозиции в некоторой всеядности, предлагающей понимать Холокост через призму других событий с американской окраской. Пытаясь избежать возникновения у посетителя превратного впечатления, его внимание привлекали массой документов, которые должны говорить сами за себя. Но ведь нет гарантии, что посетитель это поймет в нужном духе, так как у него уже имеется свое мнение.

Дизайнеры старались, чтобы образы Холокоста никак не ассоциировались с другими трагедиями. Они боялись, что Холокост будет потерян в этой массе впечатлений, и желали, чтобы посетители не соотносили его с другими ужасными событиями и геноцидами, чтобы ни у кого не появилось желания их тоже назвать Холокостом. Поэтому они хотели, чтобы посетителю было непросто расстаться с полученным впечатлением.

Музей был открыт в период кровавых балканских войн, и тогда возникла жаркая дискуссия о том, следует ли ему реагировать на этнические или племенные войны, столь многочисленные в современном мире. При этом смешались три вида памяти: историческая, индивидуальная и забывчивая. Такое смешение рождало не коллективную память с ее выводами, а провал или отсутствие, прямо противоположные знанию.

По мнению Бернард-Дональдса, Холокост можно сопоставлять в памяти с другими подобными ужасами лишь в виде образов, воздействующих своим эффектом на зрителя. Этот эффект вызывается не индивидуальной памятью и не нарративом постоянной экспозиции, а указанием на событие, как это понимает посетитель,

но это не память и не знание. Ведь в своих отзывах, как и в Дахау, посетители постоянно перекидывали мостик от Холокоста к 11 сентября 2001 года и интифаде, а одной даме убийство 6 млн евреев напомнило об абортах. Так насилие, терроризм и геноцид слились в единую картину, и все это поражало напором страстей. Вовсе не такого эффекта ожидали организаторы музея. Наконец, увиденные в музее фото исчезали из памяти, и их заменяли современные образы. Тем самым, иллюстрации оказывались важнее исторического нарратива [Bernard-Donals, 2009, p. 125–143].

В свою очередь, отмечая, что этот музей утверждает американские ценности и показывает то, что им противостоит, Дж. Эдкинз полагает, что это упрощает сложную проблему ответственности и ошибочно убеждает в своей безусловной правоте. Она отмечает нарративный характер музейной экспозиции и ее линейную организацию, что призвано привести посетителей к моральным выводам. Но реальность была много сложнее, и все это работает не совсем так, как задумали дизайнеры. Многие из показанных там фото и фильмов были сделаны нацистами в пропагандистских целях. Причем узнаются риторические приемы, до сих пор принятые в демократических государствах. А фото, сделанные нацистами и союзниками, трудно различить. Многие критики указывали, что половина карточек принадлежит выжившим, что искажает реальную статистику смертей в лагерях. Хотя освободителей было немного, значительная часть экспозиции посвящена им, а также возникновению государства Израиль и еврейскому сопротивлению. И возникает вывод, что огромную роль могут сыграть освободители, пришедшие извне, а посетителю предлагается роль пассивного наблюдателя. Но самым сложным вопросом Эдкинз представляется следующий: что бы мы делали, если бы нам предложили участвовать в этих преступлениях или если бы мы хорошо знали тех, кто это делает? Если бы США были завоеваны, как это случилось с Францией, стали бы они депортировать своих евреев и сотрудничать с завоевателями? Этот вопрос в музее не задают. Там выносятся за скобки тот факт, что американцы сами участвовали и в истреблении людей, и в рабовладении, причем это сочеталось с ценностями либеральной демократии. По мнению Эдкинз, большой радости выжившим такой музей не приносит [Edkins, 2003, p. 153–163].

В этой связи привлекает внимание Центр Холокоста и геноцида в Кейптауне, который соседствует с Еврейским музеем. В отличие от берлинского музея, там история евреев в Южной

Африке и Холокост разделены в пространстве, и истории последнего отведено свое особое место¹⁵. Экспозиция небогата реальными артефактами, но в ней с помощью кратких аннотаций, разнообразных карт и многочисленных фотографий детальнейшим образом представлена трагическая история Холокоста, причем указывается его расовое обоснование, что имеет особое значение для Южной Африки, где немецкие колонизаторы еще в 1904–1907 годы устраивали массовые убийства людей гереро и нама. Не забыта и печальная участь армян в 1915 году. Причем со ссылкой на Руанду отмечается, что геноцид в XX веке продолжался, и его угроза не исчезла и в XXI веке.

Экспозиция начинается с объяснения терминов «Холокост» и «геноцид» и истории расовой теории и расизма, причем подчеркивается, что раса является социальной конструкцией и концепция «расы» не имеет никаких научных оснований. Делается экскурс в длительную историю гонений на евреев и говорится о появлении термина «антисемитизм» в 1879 году. Средневековый антисемитизм сопоставляется с современным, апеллирующим к «Протоколам сионских мудрецов», еще в 1934 году признанным южноафриканским судом фальшивкой. Говорится и о системе апартеида, основанной на расизме. Именно расизм лежал в основе нацистской политики в отношении европейских евреев в 1933–1945 годы, когда две трети их были целенаправленно истреблены.

Вкратце описывается жизнь евреев Восточной и Западной Европы. Подчеркивается, что, хотя к началу XX века евреи Германии были хорошо интегрированы в немецкое общество, это не мешало нацистской политике, опиравшейся на расовую теорию. Прослеживается становление нацизма с 1919 году, его приход к власти в 1933 г. и история Третьего Рейха в 1933–1939 годы. Впечатляющий раздел посвящен антисемитской пропаганде и ее рупору – газете «Дер Штюрмер», чьи чудовищные и безосновательные обвинения дожили до наших дней. Показано, что во имя чистоты «арийской расы» преследованиям подвергались и другие группы: инвалиды, цыгане, славяне, чернокожие, Свидетели Иеговы, гомосексуалисты.

Подробно рассказывается о Второй мировой войне и о реализации нацистами программы «Окончательного решения еврейского вопроса», принятой на Ванзейской конференции в январе 1942 года. Здесь и изоляция евреев в гетто, и активность айнзацгрупп и коллаборационистов, и работа лагерей смерти (на примере Освенцима). Гетто представлено историей Варшавского гетто, а

участь евреев СССР показана на примере событий в Ковно (Каунасе), так как еврейская община Южной Африки формировалась в основном из выходцев из Литвы и Латвии (Литва и Латвия показаны «балтийскими государствами», хотя в начале войны они уже стали республиками СССР). Кроме того, упоминается Бабий Яр, но судьба советских евреев отражена лишь мельком. Зато отмечается, что южноафриканские летчики одними из первых сделали фотографии лагерей смерти в Польше. На стендах также размещена информация о сопротивлении нацизму, включая действия еврейских партизан, и звучит их известная песня «Зог нит кейн мол» («Никогда не говори»).

Экспозиция завершается освобождением выживших узников, причем подчеркивается, что после понесенных страданий и потери близких большой радости у них не было. Последние стенды посвящены тем из них, кто переселился в Южную Африку. Там размещены их фотографии, и на видео можно познакомиться с их печальными воспоминаниями.

Таким образом, Холокост поставил по-новому вопрос о закреплении в публичном пространстве памяти о значимых исторических событиях, причем на Западе произошел ощутимый сдвиг от героизации к виктимизации. Все это вызвало споры и даже конфликты: о чьей именно памяти идет речь, кому отдавать предпочтение, ибо жертв оказывалось очень много и они были весьма разнообразными; в чем должна выражаться эта память и как должны выглядеть коммеморации; какие ассоциации и у кого именно должны вызывать соответствующие памятники и музейные экспозиции? Мало того, оказывалось, что объективированные образы допускают различную интерпретацию и иной раз вовсе не такую, на которую рассчитывали их создатели.

Заключение

Холокост – это величайшая трагедия XX века, бросившая вызов индустриальной цивилизации, поставившая под вопрос веру в безудержный прогресс и разрушившая мечты о бесконфликтных человеческих взаимоотношениях. Мало этого, в кризисе оказалась и социальная память, пережившая разочарование идеей героики и сконцентрировавшаяся на неисчислимых потерях и утратах, понесенных в ходе Второй мировой войны и ее последствий. Причем дело не ограничивалось Европой. Речь шла и о военных преступлениях Японии в Восточной и Юго-восточной Азии, и об атомной

бомбардировке Хиросимы и Нагасаки, и о колоссальных жертвах, понесенных в результате распада Британской Индии. Но и это еще не все. Впервые в мировой истории была сделана целенаправленная попытка полного истребления целого народа, опиравшаяся на считавшуюся в тот период научной расовую теорию, еще не потерявшую своего авторитета, – это произойдет лишь позднее. Поэтому подмоченной оказалась и репутация науки.

Под ударом оказалась и социальная память, которую раздирали бесконечные конфликты. Кому принадлежит эта память? Кого и как надо поминать? Как быть с искореженными судьбами и памятью выживших узников концлагерей? Следует ли им преодолеть эту память и вырвать ее из своего сердца или бережно сохранить для потомков? Если сохранять, то в каком виде, ибо она была представлена рваными фрагментами или исчезающими на глазах следами былой трагедии? Как донести эту память до современной аудитории, часто неспособной понять всю глубину катастрофы и нередко воспринимающей с сомнением и скепсисом рассказы бывших узников? Как все это должно звучать сегодня, когда свидетелей катастрофы почти уже и не осталось, а их потомки многое знают лишь из вторых рук? Наконец, какое выражение такая память должна находить в мемориалах и музеях, как должны выглядеть памятники скорби и музейные экспозиции?

На все эти вопросы нелегко ответить, ибо порой они вызывают весьма неоднозначную реакцию, частично по политическим, частично по эмоциональным причинам. Между тем, несмотря на лозунг «Никогда больше», практики геноцида в современном мире продолжают, причем иной раз фашисты выступают под маской антифашистов, а расисты – под маской антирасистов. Именно поэтому память о Холокосте сохраняет острую актуальность, по-прежнему вызывая споры и дискуссии в обществе. И как отмечает Ли Дэвид, результаты таких «моральных воспоминаний» о былых травмах очень неоднозначны: иногда они ведут к борьбе за демократию и права человека, а иногда усиливают вражду и порождают радикальный национализм [David, 2020, p. 4].

Память – дама капризная. Она не отличается постоянством, и ее содержание зависит от множества факторов – от контекста воспоминаний (время, место и окружающая среда), половозрастных параметров, поколенческой принадлежности, имеющегося личного опыта, национальных традиций, социального и профессионального статуса, эмоционального напряжения, наконец. В различной обстановке свидетель может менять свои показания или же просто

смещать акценты. Со временем что-то забывается, а что-то видится в ином свете. Всеми этими качествами обладает травматическая память, добавляющая к этому огромный груз эмоций, существенно влияющих как на характер воспоминаний, так и на манеру их изложения [Шнирельман, 2021, с. 6–29]. Свидетель может допускать противоречия, искажать хронологию событий, преувеличивать значение одних фактов и недооценивать или вовсе замалчивать другие. Бывшие узники с ужасом вспоминают о параличе воли, когда они во всем зависели от своих мучителей и главным всеподавляющим чувством был голод, а связи между прошлым и будущим утрачивались.

При этом мало кому хочется рассказывать о малоприятных сторонах своего опыта, в особенности, о недостойном поведении – своем или своих близких. Иногда, напротив, допущенный непростительный поступок накладывает печать на всю последующую жизнь, и глубокое раскаяние преследует человека до самой смерти. И тогда он готов говорить об этом, не переставая. Кроме того, как это не раз замечали исследователи, в своих воспоминаниях люди концентрировались на перенесенных страданиях и утратах и вовсе не занимались обличением своих мучителей и виновников произошедшего.

Многие бывшие узники испытывали тяжелый груз пережитого, сопровождавший их всю жизнь, что не давало нормально вписаться в окружающее общество. Они чувствовали себя другими и нередко не находили взаимопонимания с окружающими. Многим страстно хотелось поделиться своими воспоминаниями, но они очень быстро наталкивались на стену скепсиса или вовсе не встречали отклика. Ведь слушатели обитали в совершенно ином мире, где господствовали иные отношения между людьми, иная этика и иная система ценностей, мешавшие с пониманием отнестись к опыту тех, кто прошел концлагеря. И это нередко обрекало бывших узников на мучительное молчание.

Сегодня наступили новые времена, когда бывших узников почти не осталось, а те, кто еще живы, относятся к поколению 1.5, которое познакомилось с Холокостом в раннем детстве и чьи воспоминания своеобразны и ограничены. В наши годы острее всего память о Холокосте воспринимается людьми 2.0 и 3.0 поколений, наследующими семейную травму. Реальный опыт выживания в концлагерях практически исчез, знания затухают, зато эмоции сохраняются. Люди часто неспособны отличить истинные факты от вымысла и иной раз поддаются влиянию фальшивок, которые не-

редко появляются в виртуальном пространстве. Поэтому изучение памяти о Холокосте теперь ведется не столько ради установления новых фактов прошлого, сколько для анализа роли эмоций, порожденных семейной травмой, а также для исследования особенностей политического использования истории геноцида, устроенного нацистами [Olick, Levy, 1997, p. 921–936; Cole, 2000; Zertal, 2005; Perception of Holocaust ... , 2013]. Остается остро актуальным вопрос о том, способна ли память о Холокосте предотвратить новые случаи этнических чисток и геноцида. В этом контексте в Европе воспринимается и обсуждается вопрос о правах человека [Sands, 2016], чему, в частности, служит введение истории Холокоста в образовательные программы. Наконец, важной остается задача противостояния отрицателям Холокоста [Альтман, 2001; Полян, 2008, с. 21–102; Bauer, 2020, p. 209–227].

Мировое значение Холокоста было осознано далеко не сразу. В Германии это потребовало смены поколений, когда дети стали задавать неудобные вопросы, касавшиеся поведения своих родственников в эпоху нацизма [Olick, 2016]. Еще большую роль сыграл суд над Адольфом Эйхманом, проходивший в Иерусалиме в 1961 году и широко освещавшийся в международной прессе, что помогло донести до мировой общественности всю глубину трагедии еврейского народа.

С рубежа 1950–1960-х годов в различных странах начали появляться памятники, посвященные трагедии Холокоста. Причем изначально было ясно, что круглая скульптура, типичная для предшествовавших времен и изображавшая властных особ, мужественных героев, отважных завоевателей и колонизаторов, не отвечала новому запросу. Наступали новые времена, требовавшие проявления сочувствия к жертвам и страдальцам. В этот тренд хорошо вписывалась и память о Холокосте как о величайшей мировой трагедии. Таким настроениям лучше соответствовали абстрактные формы искусства эпохи модерна, способные передавать сильные эмоции, чувство утраты, запредельную скорбь, идею пустоты и отсутствия. Как следствие, память о Холокосте произвела целый переворот в монументальном искусстве.

Между тем, как памятники, так и музеи оказывались теснейшим образом связаны с политикой. И власти, и различные общественные группы предъявляли к ним свои требования и пытались использовать их в своих собственных интересах. Оказалось, что Холокост не остается только лишь трагической страницей истории, а до сих пор служит самым разнообразным политическим

целям, причем не только для смягчения межэтнической и международной напряженности, но и, напротив, для новых этнических чисток. Кроме того, сегодня сочувствие мировой общественности к жертвам геноцида самым парадоксальным образом вызывает борьбу за статус страдальца, более других заслуживающего не только сострадания, но и компенсации [Финкель, 2011, с. 123–143; 2012, с. 292–328; также см.: Robins, Spiegel, 2022]. Отсюда бесконечные споры о форме памятников и о содержании музеев, посвященных памяти Холокоста.

Примечания

¹ О категории «объективированная память» см.: [Шнирельман, 2016, с. 100–129; 2018, с. 12–34].

² Об этих двух видах памяти, хотя по-своему, писал когда-то и З. Фрейд, определяя их как меланхолию и печаль. См.: [Freud, 1917, S. 288–301; 1966, p. 237–260; Фрейд, 1998, с. 211–231].

³ Случаи героизма и сопротивления в лагерях все же встречались, хотя и крайне редко. Самым ярким было восстание в Собиборе в октябре 1943 г. под руководством Александра Печерского. Похожие выступления известны в Треблинке в августе 1943 г. и в Освенциме-Биркенау в октябре 1944 г. [Полян, 2018, с. 85–122; Bartosik, 2019; Bartosik, Beattie, Nowak, 2021]. См. также: [Холокост и еврейское сопротивление, 2023; Круглов, 2025].

⁴ Э. Лофтус сравнивает воспоминания с облаками и паром, которые дрейфуют по разуму человека и грозят исчезнуть при прикосновении. И в них накапливается немало фантазий [Лофтус, Кетчем 2018].

⁵ О нестабильности памяти, ее абберациях и ложных воспоминаниях см.: [Вельцер, 2005; Лофтус, Кетчем, 2018].

⁶ Нетрудно заметить, что это напоминает глубокую и обычную память, по Лангеру.

⁷ О выделении поколения 1.5 в особую когорту см. также: [Rumbaut, 2004, p. 1162–1163].

⁸ Об этом поколении, наследующем травматическую семейную память, см. также: [Schwab, 2012, p. 17–33].

⁹ О ситуации в Восточной Европе см.: [Holocaust Memory and Antisemitism, 2007]. В отчете советской чрезвычайной комиссии, расследовавшей ситуацию в Освенциме, евреи вовсе не упоминались [Полян, 2018, с. 33].

¹⁰ В СССР погибшие евреи тоже шли по разряду «мирных советских граждан». О памятниках и мемориалах в СССР, посвященных Холокосту см.: [Альтман, 2005; он же, 2008, с. 148–163; Альтшулер, 2009, с. 171–192; Zeltser, 2018; Rebrova, 2020; Křůmířa–Koňkova, 2021, p. 20–25; Кирзюк, 2024, с. 14–38]. Об особенностях советской памяти о Холокосте и причинах этого см.: [Baranova, 2015].

¹¹ Личные наблюдения автора статьи.

¹² Личные наблюдения автора статьи. Также см.: [Milton, 1991, p. 204–211, figs. 91–94].

¹³ См. также: [Шнирельман, 2015, с. 35–36].

¹⁴ Личные наблюдения автора статьи.

¹⁵ Личные наблюдения автора статьи.

Список литературы

Альтман И.А. Мемориализация Холокоста в России: история, современность, перспективы // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3. – С. 252–263.

Альтман И.А. Мемориализация Холокоста в Российской Федерации: состояние, проблемы, тенденции // Евразийский еврейский ежегодник. – 5768 (2007/2008) год. – Москва, 2008. – С. 148–163.

Альтман М.М. Отрицание Холокоста. История и современные тенденции. – Москва : Фонд «Холокост», 2001. – 86 с.

Алтышулер М. Деятельность евреев по увековечению памяти о Холокосте в Советском Союзе в эпоху Сталина // Яд Вашем. Исследования: Сборник / сост. Д. Романовский, Д. Зильберкланг. – Иерусалим : Яд Вашем, 2009. – Вып. 1. – С. 171–192.

Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. – Москва : НЛЮ, 2014. – 328 с.

Бауман З. Актуальность Холокоста. – Москва : Европа, 2010. – 316 с.

Вельцер Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3. – С. 28–35.

Кирзюк А.А. Змиёвская балка (Ростов-на-Дону): память о Холокосте в конкуренции жертв // Фольклор и антропология города. – 2024. – Т. VI, № 1–2. – С. 14–38.

Круглов А.И. Холокост в России. Потери евреев в оккупированных регионах России, 1941–1944. – Chişinău : The Historical Expertise, 2025. – 464 с.

Ланцман К. Шоа, 1985. – URL: https://vk.com/video/@izh_cinemaclub?z=video-143404563_456239048%2Fclub143404563%2Fpl_-143404563_-2; https://vk.com/video-143404563_456239047 (дата обращения 10.09.2024).

Леви П. Канувшие и спасенные. – Москва : Новое изд-во, 2010. – 196 с.

Лофтус Э., Кетчем К. Миф об утраченных воспоминаниях. Как вспомнить то, чего не было. – Москва : Азбука-Аттикус, 2018. – 480 с.

Полян П. Отрицание и геополитика Холокоста // Отрицание отрицания, или Битва под Аушвицем. Дебаты о демографии и геополитике Холокоста / сост. Кох А., Полян П. – Москва : Три квадрата, 2008. – С. 21–102.

Полян П. Жизнь и смерть в Аушвицком аду. – Москва : АСТ, 2018. – 640 с.

Супрунчук А.П. Музей – пространство для ретрансляции культурной памяти на примере современных еврейских музеев // Studia Humanitatis. – 2015. – № 3. – URL: <https://st-hum.ru/content/suprunchuk-ap-muzey-prostranstvo-dlya-retranslyacii-kulturnoy-pamyati-na-primere-sovremennyh> (дата обращения 15.09.2024).

Супрыгина Г.Г. Еврейский музей в Берлине // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 2. – С. 69–84.

Финкель Е. В поисках «потерянных геноцидов» // Pro et Contra. – 2011. – № 3–4. – С. 123–143.

Финкель Е. В поисках «потерянных геноцидов»: историческая политика и международная политика в Восточной Европе после 1989 г. // А. Миллер, М. Липман (ред.). Историческая политика в XXI в. – Москва : НЛЮ, 2012. – С. 292–328.

Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа: Сборник. – Санкт-Петербург : Алетейя, 1998. – С. 211–231.

Холокост и еврейское сопротивление во время Второй мировой войны. Региональные особенности на Северном Кавказе и в других регионах СССР / науч. ред. К.А. Пахалюк. – Иерусалим : (б. изд-ва), 2023. – 346 с.

Шнирельман В.А. Еврейские музеи: культурный императив и вызовы современности // *Наследие веков*. – 2015. – № 3. – С. 26–38.

Шнирельман В.А. Социальная память и образы прошлого // *Новое прошлое*. – 2016. – № 1. – С. 100–129.

Шнирельман В.А. Социальная память – вопросы теории // В.А. Тишков, Е.А. Пивнева (ред.). Историческая память и российская идентичность. – Москва : РАН, 2018. – С. 12–34.

Шнирельман В.А. Травматическая память: подходы к изучению и интерпретации // *Сибирские исторические исследования*. – 2021. – № 2. – С. 6–29.

Aarons V., Berger A.L. Third-Generation Holocaust Representation: Trauma, History, and Memory. – Evanston, Ill. : Northwestern University Press, 2017. – 263 p.

Alexander J.C. On the Social Construction of Moral Universals: The “Holocaust” from Mass Murder to Trauma Drama // *European Journal of Social Theory*. – 2002. – Vol. 5 (1). – P. 5–86.

Assmann A. The Holocaust – a Global Memory? Extensions and Limits of a New Memory Community // *Assmann A., Conrad S. (eds.). Memory in a Global Age Discourses, Practices and Trajectories*. – London : Palgrave Macmillan, 2010. – P. 97–117.

Bali R.N. Perceptions of the Holocaust in Turkey // G. Jikeli, J. Allouche-Benayoun (eds.). Perception of Holocaust in Europe and Muslim Communities. – New York : Springer, 2013. – P. 61–69.

Baranova O. Politics of Memory of the Holocaust in the Soviet Union // *Dimensions of Modernity. The Enlightenment and Its Contested Legacies* / ed. by P. Marczewski, S. Eich. – Vienna : IWM Junior Visiting Fellows’ Conferences. – 2015. – Vol. 34. – P. 1–14.

Bartosik I. The Sonderkommando Revolt October 7, 1944. – Oswiecim, Poland : Auschwitz-Birkenau State Museum, 2019. – 38 p.

Bartosik I., Beattie A., Nowak A. The Sonderkommando in Auschwitz and the Revolt of October 7, 1944 // *Auschwitz: History, Place and People. An Academic Guide to the Camp Complex*. – Auschwitz : Auschwitz-Birkenau State Museum, 2021 – P. 61–78.

Bartov O. Should There Be One Universal Narrative for Remembering the Holocaust? On a Universal Narrative of the Holocaust and Remembering the Past in Ukraine // *Eastern European Holocaust Studies*. – 2023. – Vol. 1(1). – P. 13–16.

Bauer Y. Creating a “Usable” Past: On Holocaust Denial and Distortion // *Israel Journal of Foreign Affairs*. – 2020. – Vol. 14. – No. 2. – P. 209–227.

Bauman Z. *Modernity and the Holocaust*. – Ithaca, N.Y. : Cornell University Press, 1989. – 267 p.

Bensoussan G. History Aside? // G. Jikeli, J. Allouche-Benayoun (eds.). Perception of Holocaust in Europe and Muslim Communities. – New York : Springer, 2013. – P. 13–17.

Bernard-Donals M.F. Forgetful Memory: Representation and Remembrance in the Wake of the Holocaust. – New York : State University of New York, 2009. – 212 p.

Brown A. Judging “Privileged” Jews: Holocaust Ethics, Representation, and the “Grey Zone.” – New York : Berghahn Books, 2018. – 234 p.

Carrier P. Holocaust Monuments and National Memory Cultures in France and Germany since 1989. – New York : Berghahn Books, 2005. – 280 p.

Cole T. Selling the Holocaust. – New York : Routledge, 2000. – 214 p.

David L. The Past Can’t Heal Us: The Dangers of Mandating Memory in the Name of Human Rights. – Cambridge and New York : Cambridge University Press, 2020. – 300 p.

Dreyfus J.-M., Stoetzler M. Holocaust Memory in the Twenty-First Century: Between National Reshaping and Globalization // European Review of History: Revue Européenne d'histoire. – 2011. – Vol. 18. – No. 1. – P. 69–78.

Edkins J. Trauma and the Memory of Politics. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – 265 p.

Freud S. Trauer und Melancholie // Internationale Zeitschrift für Ärztliche Psychoanalyse. – Leipzig und Wien : Hugo Heller, 1917. – Bd. 4 (6). – S. 288–301.

Freud S. Mourning and Melancholia (1917) // Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. – 1966. – Vol. 14. – P. 237–260.

Hirsch M. Family Frames: Photography, Narrative and Postmemory. – Boston, MA : Harvard University Press, 1997. – 304 p.

Hirsch M. The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust. – New York : Columbia University Press, 2012. – 305 p.

Holocaust Memory and Antisemitism in Central and Eastern Europe. Comparative Issues. International Conference. – Bucharest, May 14, 2007.

Kansteiner W. Transnational Holocaust Memory, Digital Culture and the End of Reception Studies // The Twentieth Century in European Memory: Transcultural Mediation and Reception / ed. by Tea Sindbæk Andersen, Barbara Törnquist-Plewa. – Leiden : Brill, 2017. – P. 305–343.

Krūmiņa-Koņkova S. Places of Memory: Holocaust Memorials in Vidzeme and Their Symbolic Language // Yearbook of Balkan and Baltic Studies. – 2021. – P. 20–25.

Langer L.L. Holocaust Testimonies: the Ruins of Memory. – New Haven and London : Yale University, 1991. – 216 p.

Levinas E. Otherwise than Being, or Beyond Essence. – Pittsburgh, Pennsylvania : Duquesne University Press, 1998. – 220 p.

Levinas E. Totality and Infinity. An Essay on Exteriority. – Pittsburgh, Pennsylvania : Duquesne University Press, 2007. – 297 p.

Levy D., Sznajder N. Erinnerung im globalen Zeitalter: Der Holocaust. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2001. – 250 S.

Levy D., Sznajder N. Memory Unbound. The Holocaust and the Formation of Cosmopolitan Memory // European Journal of Social Theory. – 2002. – Vol. 5 (1). – P. 87–106.

Lim J.-H. Victimhood Nationalism in Contested Memories: National Mourning and Global Accountability // Assmann A., Conrad S. (eds.). *Memory in a Global Age Discourses, Practices and Trajectories*. – London : Palgrave Macmillan, 2010. – P. 138–162.

Milton S. In *Fitting Memory: the Art and Politics of Holocaust Memorials*. – Detroit : Wayne State University Press, 1991. – 346 p.

Olick J. *The Sins of the Fathers: Germany, Memory, Method*. – Chicago : University of Chicago Press, 2016. – 496 p.

Olick J. K., Levy D. *Collective Memory and Cultural Constraint: Holocaust Myth and Rationality in German Politics* // *American Sociological Review*. – 1997. – Vol. 62. – No. 6. – P. 921–936.

Perception of Holocaust in Europe and Muslim Communities / G. Jikeli, J. Allouche-Benayoun (eds.). – New York : Springer, 2013. – 196 p.

Rebrova I. *Re-Constructing Grassroots Holocaust Memory. The Case of the North Caucasus*. – Berlin : Walter de Gruyter, 2020. – 357 p.

Robins S., Spiegel A. Uneven “Genocide” Memorialisation: a Hindrance to Achieving Postcolonial Equality? // *Dialectical Anthropology*. – 2022. – Vol. 47 (4). – DOI:10.1007/s10624-022-09672-7

Rumbaut R.G. *Ages, Life Stages, and Generational Cohorts: Decomposing the Immigrant First and Second Generations in the United States* // *International Migration Review*. 2004. – Vol. 38. – No. 3. – P. 1162–1163.

Ryan L. *Cosmopolitan Memory and National Memory Conflicts: On the Dynamics of Their Interaction* // *Journal of Sociology*. – 2012. – Vol. 50 (4) – P. 501–514.

Sands Ph. *East West Street: on the Origins of Genocide and Crimes Against Humanity*. – London : Weidenfeld & Nicolson Publishers, 2016. – 448 p.

Schwab G. *Replacement Children: The Transgenerational Transmission of Traumatic Loss* // Assmann A., Shortt L. (eds.). *Memory and Political Change*. – London : Palgrave Macmillan, 2012. – P. 17–33.

Stein A. *Trauma and Origins: Post-Holocaust Genealogists and the Work of Memory* // *Qualitative Sociology*. – 2009. – Vol. 32. – P. 293–309.

Struve K. *Should There Be One Universal Narrative for Remembering the Holocaust?* // *Eastern European Holocaust Studies*. – 2023. – Vol. 1 (1). – P. 7–11.

Suleiman S.R. *Crises of Memory and the Second World War*. – Cambridge, Massachusetts : Harvard University Press Paperback Edition, 2008. – 286 p.

Transnational Memory: Circulation, Articulation, Scales / Ed. by Chiara De Cesari and Ann Rigney. – Berlin : DeGruyter, 2014. – 376 p.

Webman E. *The Evolution of Arab Perceptions of the Holocaust* // G. Jikeli, J. Allouche-Benayoun (eds.). *Perception of Holocaust in Europe and Muslim Communities*. – New York : Springer, 2013. – P. 41–59.

Wetzel J. *Antisemitism and Holocaust Remembrance* // G. Jikeli, J. Allouche-Benayoun (eds.). *Perception of Holocaust in Europe and Muslim Communities*. – New York : Springer, 2013. – P. 19–28.

Yerushalmi Y.H. *Zakhor. Jewish History and Jewish Memory*. – Seattle and London : Univ. of Washington State, 2002. – 192 p.

Young J.E. *Daniel Libeskind's Jewish Museum in Berlin: The Uncanny Arts of Memorial Architecture* // *Visual Culture and the Holocaust* / Ed. by Barbie Zelizer. – London : The Athlone press, 2001. – P. 179–197.

Zeltser A. *Unwelcome Memory: Holocaust Monuments in the Soviet Union*. – Jerusalem : Yad Vashem, 2018. – 386 p.

Zertal I. *Israel's Holocaust and the Politics of Nationhood*. – Cambridge : Cambridge University Press, 2005. – 248 p.

References

Al'tman, I. Memorializatsiia Kholokosta v Rossii: istoriia, sovremennost', perspektivy [Memorialization of Holocaust in Russia: History, Modernity, Perspectives]. In *Neprikosnovennyi zapas*. Moscow, no. 2–3, 2005, pp. 252–263. (In Russ.)

Al'tman, I. Memorializatsiia Kholokosta v Rossiiskoi Federatsii: sostoianie, problemy, tendentsii [Memorialization of Holocaust in Russian Federation: State of Art, Problems, Trends]. In *Evroaziatskiy evreiskiy ezhegodnik*. 5768 (2007/2008) year. Moscow, 2008, pp. 148–163. (In Russ.)

Al'tman, M. *Otritsanie Kholokosta. Istoriia i sovremennye tendentsii [Holocaust Denial. A History and Modern Trends]*. Moscow, Kholokost Foundation, 2001. 86 p. (In Russ.)

Althuler, M. Deiatel'nost' evreev po uvekovecheniiu pamiati o Kholokoste v Sovetskom Soiuze v epokhu Stalina [The Jewish Efforts to Perpetuate Memory of Holocaust in the Soviet Union in the Stalin's Epoch]. In *Yad Vashem. Issledovaniia / ed. by D. Romanovsky and D. Zilberklang*. Jerusalem, Yad Vashem Publ., 2009. Issue. 1, pp. 171–192. (In Russ.)

Assmann A. *Dlinnaia ten' proshlogo. Memorial'naia kul'tura i istoricheskaia politika [A Long Shadow of the Past. A Memorial Culture and a Politics of History]*. Moscow, NLO, 2014. 328 pp. (In Russ.)

Bauman, Z. *Aktual'nost' Kholokosta [A Topicality of Holocaust]*. Moscow, Evropa, 2010. 316 pp. (In Russ.)

Kirziuk, A. Zmievskaia balka (Rostov-na-Donu): pamiat' o Kholokoste v konkurentsii zhertv [Zmievskaia Balka (Rostov-at-Don): a Memory of Holocaust in a Competition of the Victims]. In *Folklor i antropologiii goroda*, 2024, vol. 6, no. 1–2, pp. 14–38. (In Russ.)

Kruglov, A.I. *Holokost v Rossii. Poteri evreev v okkupirovannykh regionakh Rossii, 1941–1944 [The Holocaust in Russia. Jewishlosses in the Occupied Regions of Russia, 1941–1944]*. – Chişinău, The Historical Expertise Publ., 2025. 464 p. (In Russ.)

Lanzmann, C. Shoah, 1985. URL: [https://vk.com/video/@izh_cinemaclub?z=video-143404563_456239048%2Fclub143404563%2Fpl_-143404563_-2](https://vk.com/video/@izh_cinemaclub?z=video-143404563_456239048%2Fclub143404563%2Fpl_-143404563_-2;); https://vk.com/video-143404563_456239047 (In Russ.) (data of access : 10.09.2024).

Levi, P. *Kanuvshie i spasennye [The lost and the saved]*. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2010. 196 p. (In Russ.)

Loftus, E., Katherine Ketcham, K. *Mif ob utrachennykh vospominaniakh. Kak vspomnit' to, chego ne bylo [The Myth of Lost Memories. How to Remember Something That Wasn't There]*. Moscow, Azbuka-Attikus Publ., 2018. 480 p. (In Russ.)

Polian, P. Otritsanie i geopolitika Kholokosta [A Denial and Geopolitics of Holocaust]. In *Otritsanie otritsaniia, iki bitva pod Aushvitsim. Debaty o demografii i geopolitike Kholokosta [Denial of Denial, or the Battle of Auschwitz. Debates About the Demography and Geopolitics of the Holocaust]*. Comp. ed. by A. Kokh and P. Polian. Moscow, Tri kvadrata Publ., 2008, pp. 21–102. (In Russ.)

Polian, P. *Zhizn' i smert' v Aushvitskom adu [Life and Death in the Auschwitz Hell]*. Moscow, AST Publ., 2018. 640 p. (In Russ.)

Suprunchuk, A. Muzei – prostranstvo dlia retransliatsii kul'turnoi pamiati na primere sovremennykh evreiskikh muzeev [Museum as a Space for a Retransmission of the Cultural Memory: a Case of the Modern Jewish Museums]. In *Studia Humanitatis*, no. 3, 2015. URL: <https://st-hum.ru/content/suprunchuk-ap-muzei-prostranstvo-dlya-retranslyacii-kulturnoy-pamyati-na-primere-sovremennyh> (In Russ.) (data of access : 16.09.2024).

Suprygina, G. Evreiskiy muzei v Berline [The Jewish Museum in Berlin]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo un-ta*, no. 2, 2008, pp. 69–84. (In Russ.)

Finkel, E. V poiskakh “poteriannykh genotsidov” [In Search of the Lost Genocides]. In *Pro et Contra*, no. 3–4, 2011, pp. 123–143. (In Russ.)

Finkel, E. V poiskakh “poteriannykh genotsidov”: istoricheskaya politika mezhdunarodnaya politika v Vostochnoi Evrope posle 1989 g. [In Search of the “Lost Genocides”: Historical Politics and International Politics in Eastern Europe After 1989]. In *Istoricheskaya politika v 21 veke* / ed. by A. Miller and M. Lipman. Moscow, NLO Publ., 2012, pp. 292–328. (In Russ.)

Freud, Z. Osnovnye psikhologicheskie teorii v psikhoanalize [The Main Psychological Theories in Psychoanalysis]. In *Ocherk istorii psikhoanaliza [Essays in History of Psychoanalysis]*. Saint Petersburg, Aleteia Publ., 1998, pp. 211–231. (In Russ.)

Kholokost i evreiskoe soprotivlenie vo vremia Vtoroi mirovoi voyny. Regional'nye osobennosti na Severnom Kavkaze i v drugikh regionakh SSSR [Holocaust and the Jewish Resistance at the Time of the Second World War. Regional Peculiarities in the North Caucasus and in the Other Regions of the USSR]. Ed. by K. Pakhaliuk. Jerusalem, 2023. 346 p. (In Russ.)

Shnirelman, V. Evreiskie muzei: kul'turny imperativ i vyzovy sovremennosti [Jewish Museums: Cultural Demand and Contemporary Challenges]. In *Nasledie vekov*, no. 3, 2015, pp. 26–38. (In Russ.)

Shnirelman, V. *Sotsial'naya pamiat' i obrazy proshlogo [Social Memory and Images of the Past]*. In *Novoie proshloe*, no 1, 2016, pp. 100–129. (In Russ.)

Shnirelman, V. *Sotsial'naya pamiat' – voprosy teorii [Social Memory – Theoretical Problems]*. In *Istoricheskaya pamiat' i rossiyskaya identichnost' [Historical Memory and Russian Identity]*. Ed. by V.A. Tishkov and E.A. Pivneva. Moscow, RAN Publ., 2018, pp. 12–34. (In Russ.)

Shnirelman, V. *Travmaticheskaya pamiat': podkhody k izucheniiu i interpretatsii [A Traumatic Memory: Approaches to Its Study and Interpretation]*. In *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, no. 2, 2021, pp. 6–29. (In Russ.)

Welzer H. *Istoria, pamiat' i sovremenost' proshlogo. Pamiat' kak arena politicheskoi bor'by [History, Memory and Modernity of the Past. Memory as an Arena of Political Struggle]*. In *Neprikosnovennyi zapas*, no. 2–3. 2005, pp. 28–35. (In Russ.)

Aarons, V., Berger, A.L. *Third-Generation Holocaust Representation: Trauma, History, and Memory*. Evanston, Ill., Northwestern University Press Publ., 2017. 263 p.

Alexander, J.C. On the Social Construction of Moral Universals: The “Holocaust” from Mass Murder to Trauma Drama. In *European Journal of Social Theory*. Vol. 5, no. 1, 2002, pp. 5–86.

Assmann, A. The Holocaust – a Global Memory? Extensions and Limits of a New Memory Community. In *Memory in a Global Age Discourses, Practices and Tra-*

jectories. Ed. by Assmann A. and Conrad S. London, Palgrave Macmillan Publ., 2010, pp. 97–117.

Bali, R.N. Perceptions of the Holocaust in Turkey. In *Perception of Holocaust in Europe and Muslim Communities*. Ed. by G. Jikeli and J. Allouche-Benayoun. New York, Springer Publ., 2013, pp. 61–69.

Baranova, O. Politics of Memory of the Holocaust in the Soviet Union. In *Dimensions of Modernity. The Enlightenment and Its Contested Legacies*. Ed. by P. Marczewski and S. Eich. – Vienna, IWM Junior Visiting Fellows' Conferences Publ. Vol. 34, 2015. pp. 1–14.

Bartosik, I. *The Sonderkommando Revolt October 7, 1944*. Oswiecim, Poland, Auschwitz-Birkenau State Museum, 2019. 38 p.

Bartosik, I., Beattie, A., Nowak, A. The Sonderkommando in Auschwitz and the Revolt of October 7, 1944. In *Auschwitz: History, Place and People. An Academic Guide to the Camp Complex*. Oswiecim, Poland, Auschwitz-Birkenau State Museum, 2021, pp. 61–78.

Bartov, O. Should There Be One Universal Narrative for Remembering the Holocaust? On a Universal Narrative of the Holocaust and Remembering the Past in Ukraine. In *Eastern European Holocaust Studies*. Vol. 1, no. 1, 2023, pp. 13–16.

Bauer, Y. Creating a “Usable” Past: On Holocaust Denial and Distortion. In *Israel Journal of Foreign Affairs*. Vol. 14, no. 2, 2020, pp. 209–227.

Bauman, Z. *Modernity and the Holocaust*. Ithaca, N.Y., Cornell University Press Publ., 1989. 267 p.

Bensoussan, G. History Aside? In *Perception of Holocaust in Europe and Muslim Communities*. Ed. by G. Jikeli and J. Allouche-Benayoun. New York: Springer Publ., 2013, pp. 13–17.

Bernard-Donals, M.F. *Forgetful Memory: Representation and Remembrance in the Wake of the Holocaust*. New York, State University of New York Publ., 2009. 212 p.

Brown, A. *Judging “Privileged” Jews: Holocaust Ethics, Representation, and the “Grey Zone.”* New York, Berghahn Books Publ., 2018. 234 p.

Carrier, P. *Holocaust Monuments and National Memory Cultures in France and Germany since 1989*. New York, Berghahn Books Publ., 2005. 280 p.

Cole, T. *Selling the Holocaust*. New York, Routledge Publ., 2000. 214 p.

David, L. *The Past Can't Heal Us: The Dangers of Mandating Memory in the Name of Human Rights*. Cambridge and New York, Cambridge University Press Publ., 2020. 300 p.

Dreyfus, J.-M., Stoetzel, M. Holocaust Memory in the Twenty-First Century: Between National Reshaping and Globalization. In *European Review of History: Revue Européenne d'Histoire*. Vol. 18, no. 1, 2011, pp. 69–78.

Edkins, J. *Trauma and the Memory of Politics*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2003. 265 p.

Freud, S. Trauer und Melancholie. In *Internationale Zeitschrift für Ärztliche Psychoanalyse*. Leipzig und Wien, Hugo Heller Publ. Bd. 4(6), 1917, pp. 288–301. (In Germ.)

Freud, S. Mourning and Melancholia (1917). In *Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud*. Vol. 14, 1966, pp. 237–260.

Hirsch, M. *Family Frames: Photography, Narrative and Postmemory*. Boston, MA, Harvard University Press Publ., 1997. 304 p.

Hirsch, M. *The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust*. New York, Columbia University Press Publ., 2012. 305 p.

Holocaust Memory and Antisemitism in Central and Eastern Europe. Comparative Issues. International Conference. Bucharest, May 14, 2007.

Kansteiner, W. Transnational Holocaust Memory, Digital Culture and the End of Reception Studies. In *The Twentieth Century in European Memory: Transcultural Mediation and Reception*. Ed. by Tea Sindbæk Andersen, Barbara Törnquist-Plewa. Leiden, Brill, 2017, pp. 305–343.

Krūmiņa-Koņkova, S. Places of Memory: Holocaust Memorials in Vidzeme and Their Symbolic Language. In *Yearbook of Balkan and Baltic Studies*, 2021, pp. 20–25.

Langer, L.L. *Holocaust Testimonies: the Ruins of Memory*. New Haven and London, Yale University Publ., 1991. 216 p.

Levinas, E. *Otherwise than Being, or Beyond Essence*. Pittsburgh, Pennsylvania, Duquesne University Press Publ., 1998. 220 p.

Levinas, E. *Totality and Infinity. An Essay on Exteriority*. Pittsburgh, Pennsylvania, Duquesne University Press Publ., 2007. 297 p.

Levy, D., Sznajder, N. *Erinnerung im globalen Zeitalter: Der Holocaust*. Frankfurt am Main, Suhrkamp Publ., 2001. 250 S. (In Germ.)

Levy, D., Sznajder, N. Memory Unbound. The Holocaust and the Formation of Cosmopolitan Memory. In *European Journal of Social Theory*. Vol. 5, no. 1, 2002, pp. 87–106.

Lim, J-H. Victimhood Nationalism in Contested Memories: National Mourning and Global Accountability. In *Memory in a Global Age Discourses, Practices and Trajectories*. Ed. by Assmann A. and Conrad S. London, Palgrave Macmillan Publ., 2010, pp. 138–162.

Milton, S. *In Fitting Memory: the Art and Politics of Holocaust Memorials*. Detroit, Wayne State University Press Publ., 1991. 346 p.

Olick, J. *The Sins of the Fathers: Germany, Memory, Method*. Chicago, University of Chicago Press Publ., 2016. 496 p.

Olick, J.K., Levy, D. Collective Memory and Cultural Constraint: Holocaust Myth and Rationality in German Politics. In *American Sociological Review*. Vol. 62, no. 6, 1997, pp. 921–936.

Perception of Holocaust in Europe and Muslim Communities. Ed. by G. Jikeli and J. Allouche-Benayoun. New York, Springer Publ., 2013. 196 p.

Rebrova, I. *Re-Constructing Grassroots Holocaust Memory. The Case of the North Caucasus*. Berlin, Walter de Gruyter Publ., 2020. 357 p.

Robins, S., Spiegel, A. Uneven “Genocide” Memorialisation: a Hindrance to Achieving Postcolonial Equality? In *Dialectical Anthropology*. Vol. 47 (4), 2022. DOI:10.1007/s10624-022-09672-7

Rumbaut, R.G. Ages, Life Stages, and Generational Cohorts: Decomposing the Immigrant First and Second Generations in the United States. In *International Migration Review*. Vol. 38, no. 3, 2004, pp. 1162–1163.

Ryan, L. Cosmopolitan Memory and National Memory Conflicts: On the Dynamics of Their Interaction. In *Journal of Sociology*. Vol. 50, no. 4, 2012, pp. 501–514.

Sands, Ph. *East West Street: on the Origins of Genocide and Crimes Against Humanity*. London, Weidenfeld & Nicolson Publishers, 2016. 448 p.

Schwab, G. Replacement Children: The Transgenerational Transmission of Traumatic Loss. In *Memory and Political Change*. Ed. by Assmann A. and Shortt L. London, Palgrave Macmillan Publ., 2012, pp. 17–33.

Stein, A. Trauma and Origins: Post-Holocaust Genealogists and the Work of Memory. In *Qualitative Sociology*. Vol. 32, 2009, pp. 293–309.

Struve, K. Should There Be One Universal Narrative for Remembering the Holocaust? In *Eastern European Holocaust Studies*. Vol. 1, no. 1, 2023, pp. 7–11.

Suleiman, S.R. *Crises of Memory and the Second World War*. Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press Paperback Edition Publ., 2008. 286 p.

Transnational Memory: Circulation, Articulation, Scales. Ed. by Chiara De Cesari and Ann Rigney. Berlin, DeGruyter Publ., 2014. 376 p.

Webman, E. The Evolution of Arab Perceptions of the Holocaust. In *Perception of Holocaust in Europe and Muslim Communities*. Ed. by G. Jikeli and J. Allouche-Benayoun. New York, Springer Publ., 2013, pp. 41–59.

Wetzel, J. Antisemitism and Holocaust Remembrance. In *Perception of Holocaust in Europe and Muslim Communities*. Ed. by G. Jikeli and J. Allouche-Benayoun. New York, Springer Publ., 2013, pp. 19–28.

Yerushalmi, Y.H. *Zakhor. Jewish History and Jewish Memory*. Seattle and London, Univ. of Washington State Publ., 2002. 192 p.

Young, J.E. Daniel Libeskind's Jewish Museum in Berlin: The Uncanny Arts of Memorial Architecture. In *Visual Culture and the Holocaust*. Ed. by Barbie Zelizer. London, The Athlone press Publ., 200, pp. 179–197.

Zeltser, A. *Unwelcome Memory: Holocaust Monuments in the Soviet Union*. Jerusalem, Yad Vashem, 2018. 386 p.

Zertal, I. *Israel's Holocaust and the Politics of Nationhood*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2005. 248 p.